

E.E. Stefanski
(Samara, Russia)

**THE BINARY OPPOSITION «KLASICKÁ HUDBA» 'CLASSICAL
MUSIC' – «POP MUSIC» 'POP' IN THE ARTISTIC DISCOURSE
OF M. KUNDERA'S NOVEL
"THE BOOK OF LAUGHTER AND OBLIVION"**

The concept of music is represented in the novel "The Book of Laughter and Forgetting" as a binary opposition of classical music and pop music, which is on the lexical level of Czech language reflected by contrasting *klasická hudba* – *pop*. Showing the relationship of politics and art in a totalitarian society, Kundera's novel introduces characters of the "president of forgetting" Gustav Husak and the "idiot of the music" Karel Gott.

Keywords: Milan Kundera, concept of music, artistic discourse

Ю.П. Хорошевская
(Россия, Ростов-на-Дону)

**МОТИВ ИСКУПИТЕЛЬНОЙ ЖЕРТВЫ
КАК ДИСКУРСОФОРМИРУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ В ТЕТРАЛОГИИ
ДЭНА СИММОНСА ПЕСНИ ГИПЕРИОНА**

В статье рассматривается интерпретация архетипического мотива искупительной жертвы в тетралогии Дэна Симмонса Песни Гипериона. Искупительная жертва как необходимое условие возрождения мира, является одним из важнейших элементов, унаследованных литературой из мифа

Ключевые слова: миф, жертвоприношение, научная фантастика, «Песни Гипериона», сакральное, профанное, космос, хаос

Фантастическая литература способна далеко уходить за границы воображения и прикасаться к вещам, которые испокон веку считают-

ся важнейшими составляющими духовной жизни человеческого общества. Мифологизм, как явление в литературе и, шире, в искусстве в целом, повлек за собой возможность выхода, как за социально-исторические, так и за пространственно-временные рамки. Фантастика же может формально или морфологически восходить к мифическим аналогам, при этом мифом не являясь. Очевидно, говорит об этом Дарко Сувин, что фантастика может быть «мифоморфичной в некоторых своих основных сюжетах, как и любой другой жанр художественной литературы» [Suvin 1979: 26]. Более того, фантастика (в том числе и ее разновидность, именуемая *science fiction*) разделяет вместе с мифом вымышленное отчуждение условности, так называемые «внешние границы желания», и эта их формальная близость выходит за рамки сюжета для слишком многих персонажей и ситуаций.

Одним из архетипических конфликтов, унаследованных фантастикой, отмечает В. Лашкевич [Łaszkiewicz 2013], является оппозиция космоса и хаоса, выразившаяся в конфликте добра и зла. Исход этого конфликта обычно зависит от морального выбора героя, более того, он предполагает наличие фигуры спасителя, способного пожертвовать собой для будущего блага общества.

В художественном пространстве тетралогии Дэна Симмонса «Песни Гипериона» (*Hyperion Cantos*, 1989-1997) мотив жертвоприношения выполняет роль пресловутой красной нити, соединяющей в единое целое всю символику и философскую тематику романов. В настоящей статье мы рассмотрим один из аспектов названного мотива – это *искупительная жертва Мессии* во имя человечества. Он связан с образом Энеи, основного персонажа третьей и четвертой книг тетралогии, дочери земной женщины и ИскИна (в художественном пространстве «Песен» ИскИны выполняют функции нуминозных субъектов, сакральных существ, обладающих сверхъестественной силой и возможностями).

«Песни Гипериона» в целом можно рассматривать сквозь призму эсхатологического мифа с его основными стадиями: угроза существующему миропорядку, погружение мира в хаос и возникновение

нового мира. То есть от космоса через хаос к новому космосу. Мотив искупительной жертвы как необходимого условия возрождения мира, космизации хаоса, в данном случае является одним из важнейших элементов эсхатологического мифа. Кроме того, здесь просматривается и мотив искупительной жертвы умирающего/воскресающего бога, обеспечивающий обновление мира и движение времени, характерный для календарных мифов. Ритуальная жертва при этом должна привести к преобразению существующего миропорядка, поскольку сама цель этого жертвоприношения заключена в обеспечении благополучного рождения нового человека, нового мира, нового космоса из неструктурированного хаоса.

Энея обладает рядом черт, характерных для архаических культурных героев. В частности, это ее сверхъестественное происхождение и способности, роль медиатора между сакральным и профанным мирами. Мать Энеи – обычная человеческая женщина, одна из семи паломников к Шрайку в первых двух книгах тетралогии. Отец – нуминозный субъект, принадлежащий сакральному пространству Техно-Центра, ИскИн. С учетом этих факторов, Энею можно считать существом полубожественного происхождения. Ее рождение было тщательно спланировано и спровоцировано как Связующей Бездной, так и Техно-Центром, а в эмпирическом пространстве Гегемонии предсказано церковью Шрайка, чьи представители поют матери Энеи при встрече: *«БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ*

*БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ МАТЕРЬ НАШЕГО
СПАСЕНИЯ*

*БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ ДЛАНЬ НАШЕГО
ИСКУПЛЕНИЯ*

*БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ НЕВЕСТА НАШЕГО
СОЗДАНИЯ*

БЛАГОСЛОВЕННА БУДЬ» [Симмонс Гиперион 2014: 384].

Штейн [Steyn 2011] в своей работе считает, что мать Энеи может выступать символом непорочного зачатия, поскольку она беременна ребенком нуминозного субъекта, ИскИна, а не в результате

сексуальных отношений с другим человеческим существом. Являясь гибридом человека и машины, Энея символизирует две космические вещи: независимо от того, как далеко продвинулось прежнее поколение, грядущее всегда превзойдет его, как если бы люди действительно могли достичь божественности; независимо от того, как далеко продвинулось человечество, процесс эволюции продолжается, и даже высшее сознание должно развиваться дальше и глубже. Энея способна совершать «чудеса», недоступные человеку в мире, лишенном покровительства Техно-Центра. Еще до своего рождения она общалась со своим отцом и сакральным пространством Техно-Центра. В возрасте 12 лет вошла в одну из Гробниц Времени на Гиперионе и вышла оттуда спустя 264 года. Энея проходит сквозь неработающие порталы, перемещаясь с одной планеты на другую, нарушая законы физического пространства и времени. Она способна проникать в сакральное пространство Техно-Центра и Связующей Бездны. В крови Энеи содержатся частицы, вызывающие отмирание крестоформа.

Являясь связующим звеном между ИскИнами и людьми, Энея представляет собой опасность для гегемонии Ордена. *От Техно-Центра я получила генетически доступ к Бездне, от человечества – редчайшую способность эмпатического восприятия Вселенной,* – объясняет Энея свою уникальность [Симмонс Эндимион 2014: 733]. Символично и метафорично само имя героини, представляя собой женский вариант мужского имени – Эней. В эпосе Вергилия легендарный герой Эней покинул горящую Троию, вынеся на своих плечах престарелого отца, и после долгих скитаний основал Рим. Энея, по сути, тоже основывает метафорический новый Рим – без иллюзий и кощунственных целей Техно-Центра.

В первых двух книгах тетралогии люди, в поисках внутреннего врага, обратились против своих богов и разрушили порталы, связывающие их с сакральным пространством Техно-Центра. После падения порталов мир погрузился в хаос. Гегемония человечества превратилась в теократию во главе с Орденом и Папой при тайном пособничестве отдельных элементов всё того же Техно-Центра. Люди, под-

давшиеся соблазну вечной жизни и воскрешения физического тела, приняли крестоформ, нано-механизм, созданный ИскИнами. Человеку естественно обожествлять мироздание, наделять магическими свойствами вещи и явления. Человеку характерно познавать бога, или же создавать его, если первое не удастся. В попытках создать искусственный интеллект, человек, еще не создав, уже мифологизирует его, возводя собственное творение в статус божества. В «Песнях Гипериона» искусственный интеллект обособился от своего творца, более того, поменялся с ним ролями. Техно-Центр сначала подарил человечеству сеть порталов, а вместе с ней возможность властвовать над физическим временем и пространством.

Следующим даром ИскИнов стал крестоформ, дарующий своему носителю возможность воскрешения после смерти физического тела и фактическое бессмертие. Справедлив вопрос: насколько искренни подарки этих богов-машин? Ведь дарованный крестоформ представляет собой паразитирующий механизм в форме креста, его нано-волокна прорастают во все клетки человеческого тела, считывая и копируя ДНК. Строго говоря, смерть и рождение – неотъемлемое условие эволюции, поэтому спекуляция Техно-Центра на страхе людей перед смертью, в результате чего большинством населения бывшей Гегемонии было охотно принято дарованное «чудо» крестоформа, ведет человечество к стасису и последующей деградации. И для того, чтобы изменить устоявшийся порядок, запустить архетипический процесс смены старого поколения молодым, вернуть движение застывшему миру, потребовался мессия.

Мессия – девочка (и молодая женщина в дальнейшем) по имени Энея, заблудившаяся во времени. Капля ее крови заставляет человека лишиться крестоформа – нано-устройства, способного даровать физическое бессмертие. Причастие же Энеи обеспечивало человеку истинную смерть, единственную и необратимую. *Это не метафизика, друзья мои. Это мутагенный вирус. <...> Это причастие вам не подарит бессмертия. Оно гарантированно обеспечит вам самую обычную смерть»* [Симмонс Эндимион 2014: 770]. Но, как и тысячи лет

назад, мессия объявлен смутьяном и еретиком. Как некогда сын ветхозаветного Бога, дочь ИскИна и обыкновенной женщины становится врагом существующего порядка, неизменного векового уклада. И ради того, чтоб привести застывший мир в движение, дать возможность старому, наконец, уйти, а новому родиться, Энея должна умереть. Она приносит себя в жертву во имя грядущего миропорядка, выступает едва ли не в роли первосущества, на крови которого зиждется новый лучший мир. Эволюция – это изменение, возможность приспособляться к условиям и развиваться. Поступок Энеи совершается во имя того, чтобы у человечества была возможность выбора: как жить, как умирать, чему верить. Она выбирает эту искупительную смерть во имя грядущего человечества. *А потом жар усилился, боль умножилась, ее ощущение жизни, любви и долга вознеслось над пламенем, уходя в небеса, – и Энея умерла* [Симмонс Эндимион 2014: 921].

Жертва Энеи в данном случае выступает как необходимое звено в процессе космизации хаоса, поскольку в момент ее смерти люди по всему миру воспринимали ее мысли и чувства. Всё человечество пережило некий момент «просветления», который Симмонс называет моментом «Сопричастности». Человеческий мир был на грани смерти, но у него появилась надежда на возрождение. Жертвенная смерть Энеи стала началом нового мира. Энея, отмечает А.Сергеев, дала человеку не воскресение, не вечную жизнь в райской обители – вместо всего этого люди обрели любовь, сопереживание, понимание и возможность начать жизнь с чистого листа, начать и прожить ее по-новому, а также прочувствовать ее и понять тоже совершенно по-новому [Сергеев 2013].

Само учение Энеи основывалось на теории эволюционирующего бога, эмпатии и Связующей Бездне. Симмонс здесь недвусмысленно противопоставляет два сакральных пространства своей художественной реальности: пространство Техно-Центра и Связующую Бездну. ИскИны – боги-машины неизменности – не способны к эмпатии, а с точки зрения автора (и Тейяра де Шардена), лишенным эмпатии разумным видам никогда не стать частью единства тех, кто ушел, и тех,

кто жив. На это способна Связующая Бездна, представляющая собой авторскую интерпретацию Точки Омега в философии Тейяра. Пьер Тейяр объединил идею космической эволюции и христианства в образах эволюционирующего бога. Он выдвигал идею конечной эволюции, приводящей ко всеобщему слиянию, при котором историческое (отдельное сознание отдельного человека) сливается с трансцендентным. Именно это понимает Симмонс под образом Связующей Бездны, которая содержит в себе мысли и чувства всех, когда-либо живших разумных существ. Смерть Энеи и момент Сопричастности открывает человечеству, лишившемуся контактов с сакральным пространством Техно-Центра, возможность соприкоснуться с пространством Связующей Бездны.

В теории ноосферы Тейяра де Шардена, которая лежит в основе всей тетралогии, отчетливо просматривается осознание родственной связи человечества со всей эволюционной цепью жизни, но вместе с тем и понимание человека как существа еще растущего, неоконченного, преодолевающего свою еще далеко не совершенную, противоречивую природу. Путь к достижению мирового космоса зависит от способности к эмпатии и саморефлексии человека как в мировом масштабе, так и в личной судьбе. «Я думаю, вряд ли у мыслящего существа бывает более великая минута, чем та, когда с его глаз спадает пелена и открывается, что он не утерянная частица, а пункт сосредоточения и гоминизации универсального стремления к жизни» [Тейяр де Шарден 2002: 40]. Каждому отдельному человеку, утверждает в тетралогии Симмонс, необходимо осознавать всю глубину своей ответственности равно как перед прошлым, так и перед будущим. Поэтому идея спасения человечества, даже с учетом искупительной жертвы мессий, обречена на провал, до тех пор, пока в истории эволюции мировой разум не достигнет этапа всеобщего прозрения, пока каждый субъект посредством рефлексии не придет к мысли о том, что от каждой отдельной жизни зависит дальнейшее развитие всего человечества.

Библиографический список

1. Сергеев А. О мире «Песней Гипериона». – Екатеринбург, 2013
<http://www.bogoslov.ru/text/3673556.html> (дата обращения: 10.01.2016)
2. Симмонс Д. Гиперион. Падение Гипериона. – М.: АСТ, 2014. – 970 с.
3. Симмонс Д. Эндимион. Восход Эндимиона. – М.: АСТ, 2014. – 970 с.
4. Тейяр де Шарден П. Феномен человека: Сб. очерков и эссе. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 553 с.
5. Łaskiewicz W. Finding God(s) in Fantasylands: Religious Ideas in Fantasy Literature. – Bialystok, 2013. – <http://www.crossroads.uwb.edu.pl/finding-gods-in-fantasylands/> (дата обращения: 21.01.2016)
6. Steyn H. J. Protean Deities: Classical Mythology in John Keats's "Hyperion Poems" and Dan Simmons's *Hyperion* and *The Fall of Hyperion*. – University of South Africa, 2011. – 142 p.
7. Suvin D. *Metamorphoses of Science Fiction*. – New Haven & London, Yale University Press, 1979. – 336 p.

Y.P. Khoroshevskaya
(Russia, Rostov-on-Don)

THE MOTIF OF ATONING SACRIFICE IN DAN SIMMONS'S *HYPERION CANTOS*

The article deals with the interpretation of the archetypal motif of atoning sacrifice in Dan Simmons's *Hyperion Cantos*. Atoning sacrifice as a necessary condition for the revival of the world is one of the most crucial elements inherited by literature from myth.

Keywords: *myth, sacrifice, science fiction, Hyperion Cantos, sacred, profane, cosmos, chaos*